

достаточно. Со времени Е. Голубинского изучение становления и развития русской алтарной преграды, перераставшей в иконостас, по существу не производилось. Считалось, что переход от одной формы к другой произошел лишь на рубеже XIV—XV вв., что основоположниками-творцами русского иконостаса были Феофан Грек и Андрей Рублев и что само его формирование в дальнейшем почти ничего не дало нового. Негласно даже считалось, что система внутреннего убранства русского храма противостояла его внешним архитектурным формам, что архитектура внешнего облика здания почти ничем не была связана с внутренней архитектурой пространственного объема храма. В то же время еще в дореволюционное время И. Э. Грабарь обронил верную мысль (говоря о храмах московского барокко) о связи между внешним и внутренним убранством. Последнее, по его мнению, определило многие формы наружного декора. В настоящее время есть все основания говорить, что эти тесные взаимоотношения между наружными формами и внутренним убранством могут смело быть продвинуты в глубь веков, вплоть до XI—XII вв. Вспомним, что на стенах собора Юрьева-Польского в развитом виде имеется многофигурный деисусный чин. Об этом же говорит Каменнородская гривна и другие произведения декоративно-прикладного искусства XI—XII вв. Думается, что исследование в этой области в кругу владими́ро-суздальском и раннемосковских памятников XIV—XV вв. принесут много нового и существенного как в плане установления определенных зависимостей между наружной и внутренней архитектурой, так и в плане более глубокого истолкования идейного замысла того или иного памятника. Исследование Г. К. Ваднера о соборе Юрьеве-Польском — достаточно убедительный пример в этой области. Возможно, что отдельные фрагменты церкви Покрова на Нерли, найденные Н. Н. Ворониным и предшествующими исследователями, следует отнести не столько к внешнему, сколько к внутреннему убранству храма, безусловно существовавшему и, судя по всему, отличающемуся не меньшим совершенством, чем наружная его отделка.

Выше я отмечал, что автор, желая полнее охарактеризовать владими́ро-суздальское каменное зодчество, привлекает одновременно памятники Западной Европы. В этом сопоставлении он отчетливее показывает своеобразие наших художественных форм. К сожалению, при рассмотрении произведений XIV—XV вв. автор отходит от подобных сравнений. В то же время привлечение памятников Сербии и Болгарии, их детальное рассмотрение, могло бы многое объяснить в области формирования оригинальных особенностей Московского зодчества XIV—XV вв. Это тем более желательно, что близость древней Руси к этим странам давно известна, культурные взаимоотношения были достаточно интенсивны и прочны. На Руси работали художники выходцы из Балканских стран, исповедовавшие к тому же ту же религию — православие, что было весьма важно в эту эпоху. Сами эти страны по своему положению, политическим устремлениям и культуре были весьма близки Руси. Все это дает возможность не только сопоставлять друг с другом родственные художественные формы, но и объяснять использование мастерами-художниками тех или иных мотивов как на Руси, так и на Балканах. В частности, это касается возрожденного на русской почве неовизантийского орнамента, осложненного готическими влияниями. Он сыграл большую роль в области декоративных элементов раннемосковских памятников (настенные пояса и др.). Но Н. Н. Воронин связывает эти мотивы с мотивами начала XIII в., в частности с резьбой Ростовского собора. Эта связь представляется мне весьма слабой, поскольку характер плоскорельефной резьбы памятников Владимиро-Суздальского княжества совершенно иной как по пластическим свойствам, так и по стилю.

Сделанные замечания, как видно, не столько являются замечаниями в собственном смысле этого слова, сколько представляют собой раздумья над превосходным двухтомником Н. Н. Воронина. Оба тома, нет сомнения, будут служить многие годы кладезем архитектурной премудрости, школой для последующих поколений наших исследователей архитектуры.

М. А. Ильин

П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1963, 193 стр.+5 вкл. Тираж 1200 экз.

Городища раннего железного века Верхнего Поднепровья и Белоруссии еще недавно принадлежали к категории слабо изученных археологических памятников. После проведения широких обследований разведывательного характера и классификации городищ по принадлежности к той или иной археологической культуре (юновской, верхнеднепровской, милоградской, западнодвинской, культуре штрихованной керамики) на очередь встали детальные раскопочные исследования и монографические описания этих культур. Книга П. Н. Третьякова и Е. А. Шмидта «Древние городища Смоленщины» является первым исследованием подобного типа и посвящена памятникам северной части Верхнего Поднепровья — городищам верхнеднепровской культуры.

Публикация новых материалов, полученных в результате археологических работ, главным образом в левобережной части Смоленского Поднепровья в течение послед-

них лет (1954—1962 гг.), составляет основное содержание рецензируемой книги. Два городища — Тушемля и Новые Батеки были раскопаны полностью. Уже после предварительной публикации¹ Тушемлинское городище, давшее ценные материалы по основному периоду развития материальной культуры ранних городищ Смоленщины, стало эталоном в изучении поселений верхнеднепровской культуры. Теперь материалы раскопочных исследований городища Тушемля получили полную обстоятельную характеристику. Данные целенаправленных раскопочных изысканий, произведенных П. Н. Третьяковым на городищах Мокрядино, Городок, Прудки, Вошкино, Слобода-Глушица, Лахтево и Колычево, гармонично дополнили картину жизни и развития культуры и быта древнего (балтоязычного) населения Смоленщины. В итоге три периода в развитии материальной культуры обитателей ранних смоленских городищ, открытые раскопками на Тушемлинском поселении, оказались эволюционно связанными и типичными для всех районов левобережья Смоленского Поднепровья. Другие разделы книги посвящены зарубинецким поселениям Верхнего Подесенья, селищам второй половины I тысячелетия балтоязычного населения Смоленщины и так называемым болотным городищам. Автором основной части рецензируемой книги является П. Н. Третьяков.

Две последние статьи, посвященные двум различным сюжетам, написаны Е. А. Шмидтом. В первой из них дан обстоятельный разбор материалов раскопок городища Новые Батеки, расположенного в правобережной части Смоленщины и дающего представление о некотором своеобразии истории материальной культуры этой территории. Во второй статье описаны данные о раскопках курганного могильника у дер. Слобода-Глушица, относящегося к последней четверти I тысячелетия.

Публикация материалов раскопок выполнена на высоком уровне и сопровождается необходимым количеством чертежей, полевых фотографий и рисунков вещей, что дает исчерпывающее представление о произведенных раскопочных и разведочных работах и позволяет понять все детали исследованных памятников. Нельзя не согласиться с датировкой памятников и хронологией отдельных горизонтов их культурных слоев, предложенными авторами книги.

Особый интерес представляет первая глава книги, написанная П. Н. Третьяковым, где предпринята попытка обобщения археологических материалов и решаются вопросы древней этноистории Смоленщины. В этом разделе исследования имеется ряд спорных положений, критическому анализу которых и посвящена настоящая рецензия.

В результате археологического обследования районов Верхнего (Смоленского) Подесенья П. Н. Третьяков пришел к заключению, что в самом начале I тысячелетия в этом крае произошла смена населения. Древнее балтоязычное население Подесенья, памятниками которого являются городища верхнеднепровской культуры, покинуло места своего расселения, и тотчас же на их землях поселяются зарубинецкие (по мнению П. Н. Третьякова, раннеславянские) племена. Как показали полевые работы, жизнь на деснинских городищах верхнеднепровской культуры действительно прекращается где-то в первых веках I тысячелетия и примерно в то же время в Подесенье появляются селища зарубинецкой культуры.

Не отрицая того, что зарубинецкие племена являются пришлым населением в области Верхнего Подесенья, а других данных для обоснования гипотезы о смене населения Верхнего Подесенья в распоряжении П. Н. Третьякова нет, отмеченный факт, по нашему мнению, находит иное объяснение. Начало I тысячелетия в значительной части левобережья Верхнего Поднепровья было временем изменения жизненного уклада местного населения. Население, вероятно не без влияния пришельцев с юга, покидает городища, и преобладающей формой поселений становятся открытые поселки — селища. Подобное явление наблюдается именно в это время в областях расселения юхновских и милоградских племен. Почему же прекращение жизни на городищах Смоленского Подесенья нельзя объяснить изменением жизненного уклада местного населения при значительном влиянии пришельцев-зарубинцев?

Имеются все основания полагать, что в смоленской части деснинского бассейна взаимоотношения местного балтоязычного населения, оставившего городища верхнеднепровской культуры, с зарубинецкими племенами были такими же, как на Брянщине, где зарубинецкая культура наслонилась на юхновскую. А. К. Амброз показал, как изменился в связи с этим характер культуры². В верхних горизонтах культурных напластований деснинских городищ верхнеднепровской культуры, как и на юхновских поселениях, обнаруживаются следы влияния культуры зарубинцев. А это значит, что последние моменты жизни на городищах относятся к тому времени, когда зарубинецкие племена уже появились в Подесенье. Трудно допустить, что местное население испытало влияние зарубинецкой культуры до расселения ее носителей и покинуло места своего обитания во время миграции зарубинцев.

Правда, в Смоленском Подесенье не обнаружено иных селищ первой половины I тысячелетия, кроме так называемых зарубинецких. Но это только результат исключительно слабой изученности края. Ведь до сих пор в Смоленском Подесенье

¹ П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, 4, стр. 170—187.

² А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1, стр. 56—70.

(расстояние от Брянска до истока Десны превышает 200 км) открыто всего девять поселений первой половины I тысячелетия и только одно из них было подвергнуто небольшим раскопкам. Многочисленные притоки верхней Десны в этом отношении не исследованы вовсе. Имеющийся материал слишком невелик (а потому и ненадежен) для построения гипотезы о вытеснении зарубинецким населением балтоязычных обитателей южной Смоленщины.

Какова же судьба зарубинецкого населения, проникшего в первые века I тысячелетия в северные районы Подесенья? П. Н. Третьяков, считая пришельцев славянами, обрывает историю Смоленского Подесенья III—IV вв. (история других районов Смоленщины доведена до конца I тысячелетия). Однако сейчас известны деснинские древности третьей четверти I тысячелетия. Вполне очевидно, что памятники типа Владимировского городища (верхний слой)³, расположенного в зоне исследований П. Н. Третьякова, типа брянских селищ этого времени (Хотылево, Голыже, Белокаменка)⁴ и могильников в окрестностях Трубчевска⁵ не являются эволюционным продолжением зарубинецкой культуры. Керамический материал всех этих памятников позволяет отнести их к обширной группе верхнеднепровских древностей типа Тушемлинского, Колочинского и Банцеровского городищ, принадлежащих местному восточнобалтскому населению. Зарубинецкая культура к середине I тысячелетия исчезает в Подесенье.

Можно думать, что зарубинецкое население около IV—V вв. покинуло области северного Подесенья или, что кажется более вероятным, пришельцы, несмотря на более высокоразвитую культуру, к этому времени постепенно растворились в среде местного балтоязычного населения и были ассимилированы последним. Иначе присутствие в Подесенье археологических памятников третьей четверти I тысячелетия, однородных с восточнобалтскими древностями других областей Верхнего Поднепровья (куда зарубинецкие племена не доходили), объяснить невозможно.

Серьезное возражение вызывает гипотеза П. Н. Третьякова о славянской колонизации Смоленского Поднепровья двумя путями — кривичами с севера или северо-запада и каким-то иным племенем с юго-востока. Погребальными памятниками ранних кривичей являются длинные курганы, памятниками же другой группы восточных славян, по мнению П. Н. Третьякова, являются круглые «сопкообразные» курганы левобережной Смоленщины, одновременные длинным насыпям (стр. 36, 37). Однако на Смоленщине, в том числе и в северном Подесенье, там, где вели разведывательные поиски П. Н. Третьяков и сотрудники его экспедиции, славянских курганов третьей четверти I тысячелетия не обнаружено. П. Н. Третьяков причисляет к таким «ранним» курганам одну из погребальных насыпей, исследованную А. Н. Лявданским при дер. Ямполье на р. Россаже. Действительно, в этом кургане была найдена арбалетовидная фибула V—VI вв. прибалтийского типа, но датировать погребение на основе этого предмета нельзя. Остатки трупосожжения ямпольского кургана сопровождался раннегончарным сосудом гнездовского типа, который и определяет время захоронения IX—X вв. Находка арбалетовидной фибулы в кургане IX—X вв. вполне объяснима, так как ямпольские курганы были сооружены из культурного слоя древнего поселения, на котором они расположены⁶.

Правда, есть на Смоленщине категория неисследованных курганов, которые своими крупными размерами, формой и взаиморасположением в могильниках существенно отличаются от восточнославянских курганов VIII—XIII вв. Но было бы ошибкой считать, что все без исключения курганы Смоленского Поднепровья оставлены славянами. В ближайшем соседстве со Смоленщиной, в бассейне верхней Оки хорошо известны курганы типа Шаньково-Почепок, принадлежащие не славянам, а дославянскому (балтоязычному) населению, с чем согласен и П. Н. Третьяков. Очень возможно, что аналогичные балтские курганы имеются и на Смоленщине. Таковыми, по-видимому, и являются крупные погребальные насыпи, в отличие от славянских курганов разбросанные в одиночку или небольшими разрозненными группами⁷.

Верхняя дата городищ-убежищ типа верхнего слоя Тушемли определяется П. Н. Третьяковым VIII — началом IX в., что по времени совпадает с периодом кривичской колонизации Смоленского Посожья. Исследователь предполагает, что эти два акта находятся во взаимосвязи. Местное население примерно в одно и то же время в связи с началом славянского расселения заново отстроило свои городки-убежища, укрепив их большим числом валов, рвов и деревянных стен. Но такие городки, по мнению П. Н. Третьякова, оказались ненадежным средством защиты и по приближении кривичей были оставлены местными жителями, ушедшими в глухие

³ Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, 68, 1957, стр. 86—88.

⁴ А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 70.

⁵ В. А. Падьян. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, 1960, 3, стр. 317, 318; Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, 108, 1963, стр. 85—97.

⁶ В. В. Седов. К вопросу о классификации смоленских курганов. КСИА АН СССР, 81, 1962, стр. 7.

⁷ Там же, стр. 3—12.

леса. Городки же были преданы огню. Таким образом, городища-убежища Тушемлинского типа, согласно выводам автора рецензируемой книги, «несомненно предшествовали длинным курганам» (стр. 33). Построены они были в конце VII—VIII в., когда над балтоязычными обитателями края возникла серьезная опасность, и прекратили существование в VIII—начале IX в.

Такое изложение истории городков-убежищ типа верхнего слоя Тушемли является весьма спорным. Вещевой и керамический материал смоленских городищ рассматриваемой группы не представляет возможности датировать пожары, приведшие к гибели памятников, в пределах нескольких веков конца I тысячелетия. Радиоуглеродный анализ остатков сгоревшего дерева трех исследованных городищ-убежищ дал материал для более определенной хронологии. По данным анализа C_{14} , гибель городищ тушемлинского типа определяется несколько более поздним временем, чем VIII—начало IX в. Возраст пожара на Вошкинском городище определяется в 980 ± 90 лет (стр. 107), а это значит, что городище погибло только в X—XI вв., ни в коем случае не раньше X в. Пожар на городище Слобода-Глушица датируется по C_{14} временем от середины IX в. до второй половины XI в. (950 ± 120 лет), а гибель Тушемлинского городища 960 ± 150 гг., т. е. IX—XI вв. Заслуживает внимания близость средних дат, полученных на основе радиоуглеродного анализа (950, 960 и 980 гг.).

Данные радиоуглеродного анализа древесных остатков трех посажских городищ тушемлинского типа делают невозможным предположение о связи гибели этих убежищ с начальным этапом кривичской колонизации. Вывод П. Н. Третьякова о том, что городища-убежища типа верхнего слоя Тушемли по времени предшествовали длинным курганам кривичей, кажется преждевременным. Гибель Вошкинского городища относится к тому времени, когда смоленские кривичи уже перестали сооружать длинные курганы и хоронили умерших в круглых курганных насыпях. Пожары городищ Тушемли и Слобода-Глушица также произошли несколько позже того времени, к которому относятся длинные курганы.

В материалах смоленских длинных курганов имеются вещи, свидетельствующие о том, что среди захоронений вместе со славянскими погребениями находятся и погребения балтов,— т. е. о несомненно начавшемся процессе славянизации местного населения⁸. Славяне-пришельцы, вероятно, сравнительно скоро стали смешиваться с местным населением и постепенно ассимилировали его. Разумеется, в первые столетия периода освоения кривичами Смоленского Поднепровья сохранялись довольно многочисленные островки балтоязычного населения, не вступавшего в контакт со славянами и жившего изолированно. Оплотами таких островков местного населения и в период захоронений в длинных курганах и несколько позднее в IX—X вв., вероятно, были городки-убежища типа верхнего слоя Тушемли. Такие городища имеются и в левобережной части Смоленского Поднепровья и в северо-западной Смоленщине. Не исключено, что некоторые из них погибли в первые моменты кривичской колонизации, когда отношения между пришельцами и местным населением не всегда носили мирный характер. Другие же городища продолжали функционировать и тогда, когда славяне заняли основные районы Смоленского Поднепровья и стали основным этническим массивом этого края. Гибель последних убежищ балтоязычного населения относится к X в., и, возможно, уже связана с начавшимся процессом феодализации Смоленской земли.

Несомненный интерес представляют полевые исследования другой группы памятников Смоленщины — болотных городищ. Благодаря раскопкам, произведенным на одном из таких городищ (Шапыревском на р. Березинке), П. Н. Третьяков заключает, что по своему устройству болотные городища являются «несколько упрощенным вариантом сооружений типа Тушемли — Слобода-Глушица», принадлежат к той же культуре и оставлены одним и тем же населением. Исследователь присоединился к мнению тех археологов, которые считают болотные городища культурными местами. Датируются болотные городища Смоленщины концом I тысячелетия и относятся, как думает П. Н. Третьяков, к тому времени, когда городища-убежища типа верхнего слоя Тушемли перестали функционировать. Иными словами, согласно мысли П. Н. Третьякова, болотные городища были сооружены балтами, как места языческого культа, в то время, когда население Смоленского Поднепровья было в основном уже славянским.

Раскопки П. Н. Третьякова дали материалы для определения времени существования смоленских болотных городищ последними веками I и началом II тысячелетия⁹. Это полностью соответствует датировке городищ IX—XI вв., предложенной для этих памятников на основе обследования окрестных селищ. Городища могли быть сооружены среди болот обитателями селищ и использовались как языческие

⁸ В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, 1, стр. 60, 61.

⁹ На Шапыревском городище найдены лепная керамика последних веков I тысячелетия и обломки гончарной посуды XII—XIII вв. Среди опубликованных П. Н. Третьяковым материалов нет решительно никаких оснований для замечания, что последняя керамика «скорей всего относится к тому времени, когда городище уже было заброшено» (стр. 38).

святилища¹⁰. Напрасно П. Н. Третьяков настаивает на исключительно балтской принадлежности болотных городищ Смоленского Поднепровья. Он ошибается, полагая, что болотные городища известны только на Смоленщине и в северной Белоруссии (стр. 124). Круглые городища среди болот, аналогичные смоленским, известны и в других местах, в частности есть они и на правобережье Припятского Полесья¹¹, т. е. там, где балтские древности I тысячелетия неизвестны и невероятны, так как славяне заселяли этот край по крайней мере уже с середины I тысячелетия. Расположение же описываемых памятников среди болот не дает почвы для сомнений в их славянской принадлежности, ибо как раз именно такая топография типична для языческих святилищ славянских племен.

Выявленное П. Н. Третьяковым сходство деревянных конструкций Шапыревского болотного городища с деревянными сооружениями городищ типа верхнего слоя Тушемли не противоречит славянской принадлежности болотных городищ Смоленщины. Смоленские кривичи IX—XII вв.— это не только пришлое население. Славянское население Верхнего Поднепровья формировалось не только за счет колонизационных потоков. К этому времени местное балтоязычное население в значительной степени слилось со славянами-пришельцами и было славянизировано. Неудивительно поэтому, что у смоленских кривичей заметны элементы балтской культуры. Они ощущаются как в гидронимике Верхнего Поднепровья и в смоленском говоре, так и в кривичских курганах VIII—XII вв. и в конструкциях деревянных построек культовых городищ.

В. В. Седов

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКИХ МУЗЕЕВ

В 1957—1963 гг. Научно-исследовательский институт музееведения опубликовал ряд сборников по истории музеев в России¹. Эти сборники служат подготовительным этапом в работе над большим обобщающим трудом «История музейного дела в СССР». Создание такого труда по решению Совета Министров РСФСР является главной задачей института. Издания Института музееведения до сих пор не получили оценки в советской исторической печати. Представляется целесообразным сказать о них на страницах археологического журнала.

В сборниках прослежена история охраны памятников в России 1861—1917 гг. и в первые годы Советской власти (статьи В. К. Гарданова и А. М. Разгона), история археологических, этнографических и исторических музеев (статьи А. М. Разгона), дореволюционных провинциальных музеев, в частности сибирских (статья Д. А. Рафикович), краеведческих музеев, основанных после Октября (статья О. В. Ионовой), Государственного исторического музея от возникновения до 1957 г. (статья А. М. Разгона и А. Б. Закс), дворцов-музеев (статья К. П. Белавской), развитие частного коллекционирования с XVIII в. до 1917 г. (статья С. А. Овсянниковой) и т. д. Специальная статья М. А. Дэвлет посвящена археологии в Минусинском музее в 1877—1917 гг. В списке авторов нет имени Г. Л. Малицкого — одного из инициаторов данной работы. Смерть не позволила ему завершить многолетние исследования по истории музейного дела, но хранящиеся в архиве ГИМ обширные материалы по этой теме, собранные Г. Л. Малицким, не раз использованы в рецензируемом издании².

Основная ценность издания в том, что здесь впервые сведено большое число интересных фактов по истории одной из областей русской культуры. Наряду с немногочисленными брошюрами по истории того или иного музея авторы широко привлекают периодику и архивные источники. Для новейшего времени многое дают и записи воспоминаний старейших музейных работников. Столь полных обзоров деятельности ГИМ, археологических и краеведческих музеев страны до сих пор у нас не было. Археологи и историки науки и культуры, несомненно будут часто обращаться к рецензируемому «Очеркам».

¹⁰ В. В. Седов. Языческие святилища смоленских кривичей. КСИА АН СССР, 87, 1962, стр. 57—65.

¹¹ Два таких городища на Туровщине (близ дер. Переровский Млынок) описаны в краеведческой литературе: Гаранович. Старасветчина мазыршчыны ў матэрыяльных помніках. «Наш край», 1928, 8—9, стр. 37—44, и в 1961 г. обследованы автором настоящей рецензии (В. В. Седов. Отчет о полевых работах Верхнеднепровского отряда 1961 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, № 2747).

¹ Тр. НИИ музееведения, I (История музейного дела в СССР). М., 1957, 192 стр.; II, М., 1961, 328 стр.; VII, М., 1962, 286 стр.; Очерки истории музейного дела в России, II, М., 1960, 380 стр.; III, М., 1961, 364 стр.; Очерки истории музейного дела в СССР, V, М., 1963, 408 стр. На некоторых томах «Очерков» указано, что они входят в серию «Трудов», на других не указано. Нельзя не заметить, что разнородной и путаницей в нумерации томов противоречат всем правилам библиографии.

² Г. Л. Малицкий. Основные вопросы истории музейного дела в России (до 1917 г.). Сб.: «Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев». М., 1950, стр. 156—172. Статья явилась как бы проспектом рецензируемого издания.